

Подарок для читателей журнала

ИЗ ДНЕВНИКА АМИЕЛЯ*

Предисловие и редакция Л.Н. Толстого

Перевод с французского М.Л. Толстой

(Продолжение. Начало см. № 3'2014, 4'2014, 1'2015, 2'2015, 3'2015)

Идеал, который себе составляет жена и мать, то понятие, которое она имеет о долге и жизни, определяют судьбу общества.

Ее вера делается путеводною звездой супружеской лады и ее любовь – началом жизни, которая определяет будущее всех близких.

Женщина есть спасение или гибель семьи

Франция действует выстрелами красноречия, пушек и декретов

Женщина есть спасение или гибель семьи. Ее назначение состоит в том, чтобы утишить смятение мысли. Ее роль аналогична роли азота в воздухе.

23 мая 1873 г. Основное заблуждение Франции заключается в ее психологии.

Ей всегда казалось, что то, что сказано, все равно, что сделано, точно слово есть дело, будто красноречие может восторжествовать над наклонностями, привычками, характером, над действительною жизнью, будто говорение может заменить собою волю, совесть, воспитание. Франция действует выстрелами красноречия, пушек или декретов; она воображает изменить таким образом природу вещей и производить только фразы или развалины. Она никогда не понимала первой строчки Монтескье: *«законы суть необходимые соотношения, вытекающие из природы вещей»*. Она не хочет видеть, что ее бессилие создать свободу лежит в самой натуре ее, ее понятиях о личности, обществе, религии, праве, долге, в ее системе воспитания детей.

Франция вечно колеблется между анархией и диктатурой

Она сажает деревья корнями вверх и удивляется последствиям! Всеобщая подача голосов, при ложной

* *Амиель Генри (Henri Amiel)*. Из дневника Амиеля. – СПб.: Типография В. Демакова, 1894. – 107 с. [Для интеллигентных читателей. Издание «Посредника». Допущено цензурою. С.-Петербург, 2 сентября 1894 года].

религии и дурном народном образовании, заставляет ее вечно колебаться между анархией и диктатурой, между красным и черным, между Дантоном и Лайолой. Сколько еще зарежет Франция козлов отпущения, прежде чем покается?

Опыт всего человеческого рода отражается во всяком человеческом проявлении

18 августа 1873 г. Тысячи мыслей бродили в моем мозгу. Я думал, сколько должно было совершиться исторических фактов, чтобы создать то, что я видел: Иудея, Египет, Греция, Германия, Галлия, все эти века от Моисея до Наполеона, и все географические пояса от Батавии до Гвианы – все участвовали в общей работе для этого соединения. Промышленность, наука, искусство, география, торговля, религия всего человеческого рода отражаются во всяком человеческом проявлении, и то, что тут вот перед нашими глазами, необъяснимо без всего предшествующего. Поразителен тот факт, что нужно сплетение целых десятков тысяч нитей, чтобы создать *одно* явление. Чувствуется присутствие закона, таинственная мастерская природы.

Преходящий созерцает вечное

Преходящий созерцает вечное.

22 августа 1873 г. Почему доктора очень часто дают плохие советы? Потому, что они недостаточно индивидуализируют свою диагностику и лечение. Они причисляют больного к категории, соответствующей их науке о болезнях, а между тем каждый больной своеобразен. Может ли быть основательно лечение при такой грубой сортировке? Всякая болезнь есть простой или сложный фактор, который увеличивается другим всегда сложным фактором, а именно – особенностями больного индивидуума, так что результат есть частная задача, требующая всегда частного решения, в особенности по мере того, как мы удаляемся от детства и от деревенской жизни. Главный упрек мой докторам в том, что они оставляют истинную задачу, состоящую в том, чтобы понять индивидуум, которым они заняты в его отдельности. Их приемы исследования слишком элементарны.

Скептицизм парализует жизнь

11 сентября 1873 г. Амстердам. Только что вышел доктор. Он нашел у меня лихорадку и полагает, что выехать мне через три дня небезопасно. Я не решаюсь писать своим женевским друзьям, что возвращаюсь с морских купаний с ухудшенным состоянием горла и гораздо более расстроенным, чем когда я ехал туда, и что я потерял свое время, свой труд, свои деньги и свои надежды.

Этот сложный противоречивый факт наивной надежды, возрождающейся после всех разочарований и

опыта, почти всегда неблагоприятного, объясняется, как все мечты, волею природы, которая хочет, чтобы мы были обмануты или, освободившись от обмана, поступали все-таки, как обманутые. Скептицизм – разумнее, но он парализует жизнь, уничтожая заблуждения.

Зрелость ума состоит в том, чтобы участвовать в принудительной игре

Зрелость ума состоит в том, чтобы участвовать в принудительной игре, притворяясь, что веришь в нее. Эта благодушная снисходительность, смягченная улыбкой, есть лучший выход из этого положения. Предаешься оптической иллюзии, и эта добровольная уступка похожа на свободу. Раз ты пойман в существование, нужно добродушно подчиняться его законам. Борьба с жизнью приводит к бесполезному ожесточению, если не допускается самоубийство.

Разочарованная снисходительность с оттенком иронии

Покорное смирение или религиозная точка зрения; разочарованная снисходительность с оттенком иронии или точка зрения светской мудрости – только эти два положения возможны.

Второе достаточно при разочарованиях и неприятностях. Первое же, я думаю, необходимо в великих страданиях жизни.

Нужен стоический или христианский оптимизм

Пессимизм Шопенгауэра предполагает, по крайней мере, здоровье и деятельность мысли, чтобы поддержать себя. Но нужен стоический или христианский оптимизм, чтобы переносить страдания плоти, души и сердца. Чтобы избежать порывов отчаяния, нужно верить, по крайней мере, что все есть благо или что страдание есть отеческая милость, очистительное испытание.

Я верю в добро, в нравственный порядок

Мой символ веры разрушился, но я верю в добро, в нравственный порядок и спасение; религия для меня состоит в том, чтобы жить и умереть в Боге, предаваясь всецело святой воле, выражающейся в природе и судьбе.

Я верю даже в Добрую Весть, то есть в возвращение грешника в милость Божию через веру в любовь Отца, который все прощает.

Каждый человек переживает все с самого начала

4 октября 1873 г. Каждый человек переживает все с самого начала, и ни одна ошибка первого человека не была избегнута его тысячным наследником. Общественный опыт накапливается, а личный опыт исчезает вместе с личностью. Естественное последствие этого то, что учреждения становятся более мудры, безымянная наука

увеличивается, но нынешний юноша, хотя и более образованный, чем прежде, все так же самонадеян и не менее подвержен ошибкам, как и прежде. Быть может, все улучшилось, но сам человек положительно не стал лучше, он только стал другим. Его недостатки и добродетели изменяют только форму, но в общем выводе нет обогащения. Тысяча вещей идет вперед, девятьсот девятью восемь – назад, в этом – прогресс. Тут нечем гордиться, хотя можно утешиться.

4 февраля 1874 г. У Гаве есть такого рода ошибка. Он христианство делает синонимом римского католичества и церкви. Я хорошо знаю, что римская церковь делает то же самое и что с ее стороны это приравнивание законно, но научно это несправедливо.

Распутывать идеи, различать их есть главная обязанность науки

Не следует даже отождествлять христианство с Евангелием, ни Евангелие с религией вообще. Критическая точность должна рассеивать эти постоянные смешения, которыми изобилуют практика и проповедь. Распутывать идеи, различать их, определять их, ставить их на свое место есть главная обязанность науки, когда она касается таких хаотических и сложных вещей, как нравы, языки или верования. Запутанность есть условие жизни, порядок и ясность есть признак серьезной и победоносной мысли.

Теперь превратны и ложны понятия психологические и нравственные

В старину превратны и ложны были понятия о природе, теперь таковы понятия психологические и нравственные. Наилучшим исходом из этого столпотворения вавилонского было бы составление или подготовка науки о человеке, которая была бы истинно научна.

Льстить толпе, чтобы сделать себе из нее орудие

16 февраля 1874 г. Обращаясь к толпе, которая уже составляет силу, а в понятии республиканцев даже и право, Клеоны всегда кричали, что в ней, кроме того, и свет, и мудрость, и мысль, и разум. Льстить толпе, чтобы сделать себе из нее орудие, – такова игра этих фокусников и претидигитаторов всеобщей подачи голосов. Они притворяются, что обожают марионетку, которую они заставляют двигаться.

Льстить, чтобы властвовать, – прием придворных во всех самодержавиях

Теория радикализма есть шарлатанство, потому что она предполагает посылки, ложность которых она знает. Она фабрикует оракула и притворяется, что обожает его откровение, она предписывает закон и делает вид, что принимает его, она утверждает, что толпа думает, тогда как ловкий человек думает за нее и внушает ей то, что это она будто бы придумывает. Льстить, чтобы властво-

вать, – в этом прием придворных во всех самодержавиях, любимцев всех тиранов. Он стар и пошл; тем не менее он ненавистен.

Честная политика
должна поклоняться
только
справедливости
и разуму

Честная политика должна поклоняться только справедливости и разуму и должна проповедовать их народу, который в среднем представляет из себя детский возраст, а не возраст возмужалости. Развращают детство, если говорят ему, что оно не может обманываться и что в нем больше света, чем в тех, которые предшествуют ему в жизни. Развращают народ, когда говорят, что он есть мудрость, ясновидение и обладает даром непогрешимости.

Чем больше собрать
мудрецов, тем
меньше получится
мудрости

Монтескье тонко заметил, что чем больше собрать мудрецов, тем меньше получится мудрости. Радикализм же предполагает, что чем более соберется невежд, людей, живущих страстями и неразумных, в особенности людей молодых, тем более выделится из них света.

Никто не хочет быть
в стороне от
общества, каждый
хочет быть со
«всеми»

27 февраля 1874 г. Среди народов с очень развитой общественностью личность боится более всего смешного, а быть оригинальным – кажется смешным. Никто не хочет быть в стороне от общества, каждый хочет быть со «всеми». Общее мнение – это великая сила, она есть властелин и называется *все*. *Все* одеваются, *все* обедают, *все* гуляют, *все* выходят, *все* входят – вот так, а не вот этак. Эти *все* всегда правы, что бы они ни делали. Подданные *всех* более низкопоклонны перед ними, чем рабы Востока перед падишахом. Прихоть этого властелина решает безапелляционно; его каприз есть закон. То, что говорят или делают *все*, называется обычаем, то, что они думают, называется мнением, то, что они находят прекрасным или хорошим, называется модой.

Народу нечего
бояться – только бы
он подражал,
копировал
и повторял

У народов, о которых здесь идет речь, *все* – есть мозг, сознание, суждение, вкус и разум людей, каждый находит все решенным, помимо своего участия; он избавлен от напряжения обдумывать и решать что бы то ни было. Ему нечего бояться, только бы он подражал, копировал и повторял образцы, представляемые ему *всеми*; он знает все, что нужно знать, и спасен.

Может быть, мы
поймем всю поэму
или таинственный
эпизод нашего
существования...

29 апреля 1874 г. Наше сознание подобно книге, листы которой, перевортываемые жизнью, последовательно закрывают друг друга вследствие своей непрозрачности; и хотя бы книга была открыта на странице настоящего, ветер всякую минуту может перевернуть

листы и открыть перед нами первые страницы. Быть может, при смерти листы перестанут прикрывать друг друга и мы увидим все наше прошедшее сразу? Может быть, это будет переход от последовательного к одновременному, то есть от времени к вечности? Может быть, мы поймем тогда в ее единстве всю поэму или таинственный эпизод нашего существования, произносимый до того времени по складам – фраза за фразой? Не оттого ли часто облачается таким величием (победы над смертью) лицо и чело тех, которые только что умерли? Тут есть аналогия с положением путешественника, достигшего вершины большой горы, откуда разворачивается перед ним вся панорама страны, виденная прежде урывками. Обозревать свою собственную историю, угадывать смысл ее во всеобщей гармонии и в божеском плане – это было бы началом блаженства. До этого приносились жертвы ради порядка, теперь же нам становится доступно наслаждение красотой его. То мы были исполнителями под управлением капельмейстера, теперь становимся изумленными и восхищенными слушателями. То мы видели только свою маленькую тропинку в тумане; теперь же чудесная панорама неизмеримых перспектив разворачивается вдруг перед ослепленным взором. Почему же и не так?

Равнодушная природа?
Сатанинская сила?
Или добрый, праведный бог?

1 сентября 1874 г. Равнодушная природа? Сатанинская сила? Или добрый, праведный бог? Три точки зрения. Вторая – неправдоподобна и ужасна. Первая – призывает к стоицизму. Мой организм был скорее слабым. Он протянулся сколько мог. Каждому свой черед, нужно покориться. Уничтожиться сразу – это особенное счастье; но ты будешь погибать понемножку. Покорись. Раздражение было бы бессмысленно и бесполезно. Ты все-таки из лучше наделенных, и твоя доля выше средней.

Есть ли особый промысел Божий, рукотворящий всеми обстоятельствами нашей жизни

Одна третья точка зрения может дать радость. Но допустима ли она? Есть ли особый промысел Божий, рукотворящий всеми обстоятельствами нашей жизни и, следовательно, посылающий нам наши несчастья в воспитательных целях? Эта героическая вера трудно совместима с нынешним знанием законов природы? Трудно. Но можно субъективировать то, что эта вера признает объективным.

Нравственное существо может придать нравственный смысл своим страданиям

Нравственное существо может придать нравственный смысл своим страданиям, пользуясь естественным явлением для своего внутреннего воспитания. То, чего оно не может изменить, – оно называет волей Бога, желать же того, чего желает Бог, – доставляет ему мир. Природа равнодушна и к нашей стойкости, и к нашей

нравственности. Бог же, напротив, если Он есть, хочет нашей святости и, если страдание очищает нас, мы можем утешаться в страдании. В этом-то и состоит высшее преимущество христианской веры; она есть торжество над страданием, победа над смертью. Одно только нужно: смерть греху, умерщвление собственной воли, сыновняя жертва своими желаниями. Зло есть желание своего, то есть своего тщеславия, своей гордости, своей чувственности, даже своего здоровья. Благо есть желание своей доли, принятие своего назначения и соединения с ним, желание того, что велит Бог, отречение от того, что Он нам запрещает, согласие с тем, в чем он нас поправляет или в чем отказывает нам.

Когда венец
молодости блекнет
на нашем челе,
постараемся иметь
добродетели
зрелости

21 сентября 1874 г. Когда венец молодости блекнет на нашем челе, постараемся, по крайней мере, иметь добродетели зрелости; будем делаться лучше, кротче, степеннее, как плод винограда по мере того, как листья желтеют и опадают.

Уметь стариться есть верх мудрости и одна из самых трудных сторон великого искусства жить.

Кто требует от жизни
только улучшения
своего существа,
подвержен опасности
не исполнить
призвания своей
жизни

Тот, кто требует от жизни только улучшения своего существа, нравственного усовершенствования в смысле внутреннего удовлетворения и религиозной покорности, менее, чем кто-либо, подвержен опасности не исполнить призыва своей жизни.

Французский ум
принимает тень
за добычу, слово
за вещь

22 января 1875 г. Французский ум, по Жиоберти, принимает только форму истины и преувеличивает ее, изолируя ее так, что исчезают те действительности, которыми он занят. Он принимает тень за добычу, слово за вещь, кажущееся за действительность и абстрактную формулу за истинное. Он не выходит из умственных ассигнаций. Поговорите с французом об искусстве, о языке, о религии, о государстве, о долге, о семье, и вы почувствуете в его манере говорить, что его мысль остается вне предмета, что она не входит в его сущность, в его сердцевину. Он не старается понять ее в ее сущностном, но только — сказать о ней что-либо похожее на правду. В его устах самые прекрасные слова делаются узкими, пустыми; например ум, идея, религия. Этот ум

Французский ум
хочет наслаждаться
собой по поводу
вещей

поверхностен и не обнимает вещей, он колет с тонкостью, но не проникает.

Французский ум хочет наслаждаться собой по поводу вещей, но он не имеет уважения, беспристрастия, терпения, забвения себя, которые необходимы, чтобы понимать вещи такими, каковы они есть. Это не философический ум, но только подделка под него, потому что он не содействует разрешению ни одной задачи и бессилен схватить все, что живо, сложно и конкретно. Абстракция есть его первородный порок, самонадеянность – его неизлечимый недостаток и правдоподобность – его роковой предел.

Французский язык
аналитичен
и описателен

Французский язык не может выразить ничего рождающегося, зачинающегося, он изображает только последствия, результаты, *caput mortuum*, но не причину, не движение, не силу, не совершение какого бы то ни было явления. Он аналитичен и описателен, но он ничего не объясняет, потому что он не показывает начал и образования из ничего. Кристаллизация не есть для него таинственный акт, посредством которого вещество переходит из состояния жидкого в состояние твердое, а только последствие этого акта.

Жажда истины не
французская черта

Жажда истины не французская черта. Во всем предпочитается то, что кажется, тому, что есть, внешнее – внутреннему, фасон – материи, то, что блестит, тому, что служит, мнению людей – сознанию. Это значит, что центр тяжести француза всегда вне его, в других, в публике. Отдельные личности – нули; единицы, которые делают из них число, сообщаются им извне; эти единицы суть государь, модный писатель, любимый журнал – словом, мгновенный хозяин моды. Все это может происходить от чрезмерной общительности, которая убивает в душе мужество сопротивления, способность исследования и личного убеждения, уничтожает стремление к идеалу.

Вторжение
бесконечного
в существо конечное

27 января 1875 г. Ламартин в «Прелюдиях» удивительно выразил тяжесть блаженства для слабого существа. Я подозреваю, что причина этой тяжести есть вторжение бесконечного в существо конечное. Тут есть головокружение, ищущее поглощения (слияния с бесконечным). Слишком интенсивное ощущение жизни стремится к смерти. Для человека умереть – это значить стать Богом. Трогательная иллюзия. Посвящение в великую тайну!

Жизнь есть ежедневное колебание между возмущением и покорностью

16 августа 1875 г. Жизнь есть только ежедневное колебание между возмущением и покорностью, между инстинктом личности, которая стремится расшириться и наслаждаться в своей неприкосновенности, в своем царственном величии, и инстинктом души, который стремится к повиновению всеобщему порядку, к принятию воли Бога.

Мир состоит в примирении с судьбой

Холодное отречение разочарованного разума не есть мир. Мир состоит только в примирении с судьбой, когда судьба является благой в религиозном смысле, то есть когда человек чувствует себя непосредственно в присутствии Бога. Тогда только воля покоряется. Но совершенно она покоряется только тогда, когда она обожает. Душа подчиняется жестокостям судьбы, только когда поймет великое возмездие за них, состоящее в любви Всемогущего. Другими словами – она не может привыкнуть ни к скудости, ни к голоду, она ужасается пустоты, и ей нужно счастье надежды или счастье веры. Она может легко переменить объект надежды, но объект нужен ей. Она откажется от своих прежних идолов, но она будет требовать другого культа. Душа алчет и жаждет счастья, и если бы даже все покинуло ее, она никогда не признает себя покинутой.

Все начала – тайны; причина всякой индивидуальной или коллективной жизни – тайна

26 октября 1875 г. Все начала – тайны; причина всякой индивидуальной или коллективной жизни – тайна, то есть нечто, не поддающееся разуму, неизъяснимое, неопределенное. Одним словом, всякая индивидуальность есть неразрешимая загадка и никакое начало не объясняется. В самом деле, все то, что сделалось, объясняется прошедшим, но начало чего бы то ни было не сделалось. Оно представляет всегда *fiat lux*, начальное чудо, творение, потому что оно не есть следствие чего-либо другого: оно является только между прежними вещами, которые составляют ему среду, случай, обстановку, на которые сопутствуют его появлению, не понимая, откуда оно явилось.

Может быть, истинных индивидуумов нет...

Быть может, также истинных индивидуумов нет, а в этом случае нет и начала, кроме одного только первоначального толчка, первого движения. И все люди составляют только одного двухполюсного человека, и человек не отделяется от животного и животное от растения, и единственный индивидуум есть только вся живая природа, сведенная к живой материи, к гюлозоизму Фалеса. Но и при этой гипотезе только одного начала, в абсолютном смысле, оставались бы относительные начала,

многообразные символы первого начала. Всякая жизнь, которую мы называем приблизительно индивидуальной, представила бы в миниатюре историю мира, для философа же была бы микроскопическим сокращением этого мира.

История образования идей более всего освобождает разум.

Философическая истина делается, очеловечившись, популярной

Философическая истина делается популярной, только очеловечившись через ораторскую душу, только тогда, когда она передана через даровитую личность. Чистая истина неусвояема толпою: чтобы сообщиться, она должна сделаться заразительной.

Возратиться к природе при помощи искусства

30 января 1876 г. При помощи искусства возвратиться к природе: эта задача была бы прекрасна для такой архисложной литературы, как наша.

Также и Руссо нападал на литературу, обладая всеми средствами писательского искусства, и восхвалял прелести дикости со всеми уловками самого изощренного цивилизованного человека. Это-то соединение противоположностей и нравится особенно: пряная сладость, ученая невинность, рассчитанная простота, да и нет, безумная мудрость.

Высшая ирония льстит вкусу эпох разложения

В сущности, это та высшая ирония, которая льстит вкусу эпох разложения, которые желают двух ощущений за раз, как улыбка Джоконды соединяет два противоположных значения. Удовлетворение выражается тогда так же двусмысленной улыбкой, которая говорит: я очарован, но не обманут, я под иллюзией и вне ее; я вам уступаю, но понимаю вас; я снисходителен, но я горд; я испытываю ощущения, но я свободен; вы талантливы – я умен, мы квиты и понимаем друг друга.

(Продолжение следует)

